

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кадыров Р.Р. Контуры Малой Татарии: к вопросу формирования политической карты Крымского ханства в XV- сер. XVI века // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.6.77105 EDN: HLAVEM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77105

Контуры Малой Татарии: к вопросу формирования политической карты Крымского ханства в XV- сер. XVI века

Кадыров Расим Решатович

преподаватель; кафедра истории; Государственное бюджетное образовательное учреждение
Крымский инженерно-педагогический университет
Специалист по учету музеиных предметов; Государственное бюджетное учреждение Республики
Крым "Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия"

295001, Россия, республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8

✉ rasimkadyrov929@gmail.com

[Статья из рубрики "Регионы мира в мировом историческом процессе"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.6.77105

EDN:

HLAVEM

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2025

Дата публикации:

07-12-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию процесса формирования политической карты Крымского ханства, нередко обозначаемого в исторической картографии как Малая Татария, чем и обусловлено название работы. В рамках исследования предпринята попытка осветить процесс сложения политических границ государства, в условиях военно-дипломатической конкуренции в степи и с разным в хозяйственном плане населением. Хронологические рамки обусловлены временем начала формирования Крымского ханства с сер. XV до сер. XVI времени достижения наивысшего могущества. Ввиду этого основу источниковой базы составили материалы посольской документации, литовской метрики, ханские ярлыки. С целью детального освещения проблемы, дополнительно, были привлечены данные нарративного и

картографического блока. Наряду с этим использованы и публикации отечественных историков. Работа построена на принципах историзма и комплексном анализе, включая сравнительно-исторический. Используемые методы позволили сопоставить данные полученные из разных источников. Научная новизна в первую очередь заключается в том, что несмотря на общую известность источников, их рассмотрение и использование в рамках исследований исторической географии не являлось предметом самостоятельного исследования. Документы являются одним из важнейших источников, так как картографические материалы показывают лишь статичные сведения, а на основе письменных появляется попытка реконструкции границ Крымского ханства. Динамичность и нестабильность границ объясняется военно-дипломатическим противостоянием в степях Северного Причерноморья, а также собственно культурой кочевого общества, где граница эта не линия на карте, а определенная подконтрольная зона. В ходе исследования мы пришли к следующим выводам: 1. Утверждение тезиса что границы фактически растворялись в степи, основанное на материалах карт не совсем отвечает действительности. Реконструкция границ на основе письменных источников показывает иную модель оформления границ. Вместо демаркационной линии, это зона взаимодействия очерченная зонами влияния, где располагались не посредственно кочевья (Буджак, Кубань и собственно Днепро-Донская лесостепь). Следующий тезис касается несоответствий в вопросах территориальных владений, в частности согласно титулатуре крымских ханов вся власть над бывшей территорией Золотой Орды была в их руках, что не отражало реальный военно-политический контроль.

Ключевые слова:

Историческая география, Дешт-и Кыпчак, Малая Татария, Крымское ханство, Северное Причерноморье, Днепро-Донское междуречье, Крым,nomads, Герои, ногайцы

Крымское ханство представляло собой одно из ключевых государств Северного Причерноморья, существенно влиявшее на региональную геополитику. В настоящее время историография достигла заметных успехов в области изучения различных сторон жизни государства. Тем не менее, несмотря на обширный охват различных аспектов, освещению вопросов территориального становления государства внимание уделяется в основном в рамках описания крупных политических событий, что оставляет многие факторы вне поля зрения.

Исходя из исторических реалий начальный этап формирования территории Крымского ханства следует вести с середины XV столетия. Первый правитель ханства, Хаджи Герай, взошел на престол в 1441 году, однако как отмечают историки окончательное закрепление основоположника династии произошло к 1450-м годам [\[1, с. 142-143; 2, с.38\]](#). Будучи преемником Крымского Улуса Золотой Орды, государство унаследовало практически всю его систему, в том числе улусную структуру и родоплеменные институты, что с учетом противостояние с другими татарскими ханствами усложняет локализацию пограничных линий. Практически до последней четверти XVIII века, границы государства являются размытыми и очерчиваются по естественным (реки) и искусственным преградам (засечные черты, крепости), а их сужение и расширение зависело от военных и дипломатических успехов.

Первые успехи в вопросах демаркации границы связаны с Бахчисарайским мирным договором 1681 года, где была прописана пограничная линия между Россией с одной стороны и Османской империей и Крымским ханством с другой. Граница с Россией

проходила по Днепру, признавалось вхождение Киева. Васьков, Триполья, местечки Дедовщина и Радомышль. Османы признавали воссоединение левобережья Украины и Киева с Россией и запорожцев как подданных России. Между Бугом и Днепром создавалась нейтральная зона. Крымское ханство сохраняло право на кочевку в степной зоне по берегам Днепра, а славянское население право на ловлю рыбы, добычи соли и беспрепятственного плаванья от Днепра до Черного моря [\[3, с. 290-292, 307-311\]](#). Подробности переговоров детально описаны в статейном списке В. Тяпкина и И. Зотова, там же приложена шертная грамота Крымского хана с условиями заключения мира в переводе на русский язык [\[4, с.155-169\]](#). Процесс письменной фиксации границ продолжался в пер. пол. XVIII века, где на фоне военных неудач Крымского ханства и Османской империи рубежи прописываются в Каловицких соглашениях (1699 г.) и статьях Стамбульского мирного договора (1700 г.) [\[5, с. 10-11\]](#). В 1703 году, согласно Карловицким договоренностям проводится демаркация границ на западных османско-крымских рубежах с Речью Посполитой. Статьи Карловицкого мира между турками и поляками предусматривали возвращение османами территорий Речи Посполитой и восстановление границ на рубежах 1633 года. При этом один из пунктов соглашения предусматривал удаления из Молдавии буджакских татар. В результате чего, последние были отселены обратно за межу «Халиль-паши» [\[6, с. 361\]](#). Деятельность османско-польских комиссий по разграничению территорий и их результаты довольно детально освещены в исторической литературе. Согласно исследованиям, которые проводил Н. Крикун установленная граница шла по реке Ягорлык на восток к верховью Куюльника, после тянулась к верховью Тилигула, оттуда на Кодыму и до устья Синих вод [\[7, с. 309\]](#). Тем не менее несмотря на восстановление старых границ, полякам пришлось пойти на некоторые уступки. Одной из первых проблем в работе комиссий по разграничению был отсчет отправной точки границы. Польские власти считали необходимым начать разграничения от Днестра, что вылилось в протест со стороны буджакских и крымских татар, которые считали, что границы их владений достигали районов реки Кайнар, вследствие чего было принято решение оставить общую линию границы по берегам означенной реки [\[8, с. 229-230\]](#). По пунктам Константинопольского договора захваченные у турок днепровские земли должны быть возвращены султану. Однако расположенные там крепости, среди которых упоминается Тавань, Кизыкермень, Нусрет Кермен (Мюстрид Кермен), Сагин Кермен (Шагин Кермен) должны быть разрушены «...дабы впредь никогда на тех местах городкам и никакому поселению не быть...». Наибольшим уроном для Гераев и подвластных ногайцев послужила утрата турками крепости Азова и близлежащих территорий, о чём свидетельствует четвертая статья договора. Кроме этого, в следующем пункте прописывается создание буферной зоны шириной на расстояние 12 часов пути от нового города Азова, расположенного на реке Миус до Перекопской крепости: «... среди лежащие земли пустые и порожние всяких жильцов лишены да пребудут» [\[9. с.32-33\]](#).

Границы ханства претерпели следующих изменений уже по Договору о вечном мире и согласии Россией и Турции, заключенному в Белграде в сентябре 1739 года. Согласно документу, Азовская крепость и ее округа становятся буферной зоной между двумя империями. Так же стороны пришли к соглашению о формировании комиссий для проведения демаркации границ. Делимитация границы была оформлена в «конвенции о разграничении в крымской степи от рек Днепр и Конские воды до реки Берды и далее к реке Миусу», составленной в октябре 1742 года [\[10, с. 46-47\]](#). В результате крымские владения ограничивались от вершины реки Конские воды до западной вершины реки Большой Берды и далее на Восток до реки Миус. Западные пределы ограничивались

левобережьем реки Днепр. Закрепленные границы оставались неизменными до присоединения Крыма к России, что подтверждено условиями Карасубазарского мирного договора заключенного в 1772 году [\[11, с. 96-99\]](#).

В более ранний период (середина XV в.-80-е гг. XVII в.) ввиду отсутствия основательных документов о разграничении, заставляет нас проводить по граничные линии на основании блока разновременных письменных и картографических источников. Информация из нарративных источников отрывочна и содержит в основном общие очертания. Одни из первых кратких упоминаний встречаются в сообщениях итальянцев Амброджо Контарини (1487) и Иосафата Барбаро, который несмотря на то что появился на землях полуострова раньше Контарини, выпустил свое сочинение позже (где-то между 1478 -1489 гг.). В своих заметках авторы упоминают движение по польским и крымским землям, где в качестве пограничного рубежа оба выделяют реку Днепр [\[12, с. 211\]](#). Больше фактической информации по раннему периоду, можно подчерпнуть из ярлык крымских правителей и данных посольской документации. Один первых ярлыков Хаджи Герая выданный некоему Хакиму Яхье перечисляет среди подвластных городов: Крым, Кафу и Керчь, а также земли за пределами полуострова Тамань и Каба [\[13, с. 111-116\]](#). Под упомянутым топонимом «Каба» подразумевается генуэзская Копа, расположенная на реке Протока, правом рукаве Кубани [\[14\]](#). Согласно тексту, действие документа должно распространяться на всю территорию Улуг Улуса и Кыпчака [\[13, с. 111\]](#). Однако исходя из политических реалий того периода, речь идет не фактической власти, а обозначает лишь декларативное господство. После провозглашения независимости Крымское ханство вело борьбу за свое существование с другими улусами-преемниками Золотой Орды, среди которых основным противником выступала Большая Орда. Под контролем большеордынских ханов находились степные районы Поволжья – центральные районы Золотой Орды, тем самым в их восприятии они являлись продолжением Улуг Улуса (Золотой Орды). По мнению И. Вашири, учитывая законность претензий Большой Орды на господство в регионе, основной задачей для других татарских улусов было обосновать свои права на ордынское наследие, согласно чингизидской традиции [\[15, с. 12\]](#). В восприятии Гераев, они имели такие же законные права называть себя Улуг Улусом ведя свою родословную от чингизидов. С точки зрения культурных степных традиций это обеспечивало права на власть над всей степной периферией и право сбора дани с соседних государств – Польши, Литвы, Молдавии, и русских княжеств. Последующие правители в своей титулатуре также указывали на свое доминирующее положение в среде татарских ханств. Объективная часть титула: включала в себя формулу: «Великий падишах Великой Орды, и Великой страны, и престола Крыма, и всех ногаев, и горных черкесов и татов с тавгачами, и Кыпчакской степи и всех татар» [\[16, с. 32\]](#). Согласно исследованиям турецкого ученного Х. Инальджика титул «Падишах Великой орды» заявляет о правах на верховенство власти над основными племенами и регионами на нижней Волге. В свою очередь Дешт-и Кыпчак обозначает власть над обширными степными пространствами Восточной Европы от Днестра до Астрахани, населенной тюрко-монгольскими племенами [\[17, с. 91\]](#). Данная формула была составной частью в титулатуре ханов на протяжении всего периода существования государства, что не может служить объективной оценкой для определения подвластных земель [\[18, с. 127\]](#).

Некоторые подробности территориального освоения континента можно встретить в переписках крымских монархов с правителями соседних держав. В частности, в тексте грамоты, адресованной в Москву Ивану III, датируемой маем 1491 года, упоминается что на левом берегу Днепра сохраняют присутствие подданные Большой Орды. В тексте

грамоты говорится: «[...] Ныне мне и тебе, брату моему, недрузи Ахматовы царевы дети промежу нас стояти и на тебя, брата моего, пойдут ратью; [...] цари воротившиеся нас воевать хотят пришли на Самару и Овечью воду» [\[19, с. 110\]](#). Это подтверждает и донесение В Москву Василия Ромодановского, где он пишет что Орда пришла на Самару и Овечьи воды с целью посева зерновых, Менгли Герай опасаясь нападения большеордынцев вернулся в Кырк-Йер [\[19, с.113\]](#). Обычно после засева, орда удалялась, оставляя небольшой отряд сторожей и возвращалась для сбора урожая. Этот сюжет позволяет сделать вывод, что на данных участках подданные Большой Орды чувствовали себя в относительной безопасности, а учитывая отношения Крыма и Сарая это говорит о том, что фактический контроль Крыма над степной периферией на северо-западе не распространялся далее реки Овечьих воды и Самара.

В начале XVI века, правители Большой Орды, обращаются к османскому наместнику, что бы тот разрешил им кочевать в районе Днепра. На эту просьбу из Кефе был дан ответ что эти земли принадлежат «вольному» человеку царю Менгли Гераю и он (наместник) эту просьбу удовлетворить не может [\[19, с. 321\]](#). Данное сообщение демонстрирует два важных сюжета прямо относящихся к политической географии ханства: во-первых, территория левобережья Днепра в этот период есть собственностью Крымского ханства и признана не только ханством; во-вторых, это показывает, что Османская империя не вмешивалась в дела крымского хана. В 1502 году, согласно посольским записям ордынцы останавливаются на правом берегу Днепра, а весной их замечают вновь в районе рек Конские воды, Волчья и Сула, где они пытаются закрепится. Однако в том же году Менгли Герай объявил Москве о полной победе над Большой Орды «...и орду его и все его улусы Бог в наши руки дал» [\[19, с.368-369\]](#). Это сообщение подразумевает что все подданные большой орды вместе со своими землями перешли в подданство династии Гераев. С этого момента Гераи расширили свою власть над степью и получили все аргументы на верховенство власти среди всех татарских улусов. Расширив зону фактического контроля на степные пространства днепро-донского междуречья. В 1509 году Менгли Герай предпринял попытку похода на правый берег Волги с целью подчинить своей власти ногайские кочевья, однако это не было реализовано [\[20, с. 170\]](#).

Очертить границы Крыма позволяют данные польско-крымской переписки. В актах и ярлыках встречаются упоминания о территории так называемого улуса Семеновых людей. Эти земли в своих обращениях к литовцам, требовал вернуть Менгли Герай. Исследователи локализовали их как земли Киевщины, границы, которых проходили от русла Овечьих Вод на юге и до Тихой сосны(прим. до совр. Белгородской и Воронежской областей) на севере [\[21, р. 509\]](#). Согласно ярлыку крымского хана, Киев, Каменец, Брацлав, Смоленск и другие, со всеми землями и доходами и те замки, которые перечислены «...служить будут брату нашему князю Сигизмунду и брату нашему королю Казимиру» [\[21, р. 530\]](#). Однако содержание этого документа не мешало следующим крымским правителям требовать возвращения этих территорий под свою юрисдикцию. Очевидно, что эти требования воспроизводились согласно политической обстановке в регионе и касались в основном платы. В мирное время акты пожалования с перечислением южнорусских земель подтверждались потомками Хаджи Герая. В ярлыке Менгли Герая, написанном в период между 1472-1474 годом. «Как и наши предки ... теперь мы отдаем эти страны князю Казимиру ...» от Киева до устья Днепра и до моря. Тут же перечисляются Черкассы, Маяк, Качибей и др [\[21, р. 542\]](#). Уже в 80-90-е годы XV века со стороны Крымского ханства фиксируется активная экспансия на Литовские земли. В результате чего помимо опустошения городов, таких как Киев, Житомир и

Черкассы были потеряны крайние южные укрепления литовцев – Дашев и Черный город [\[22, с. 317\]](#), которые также фигурировали в упомянутом ярлыке 1472 года. В документах посольских связей можно также встретить информацию о строительстве Менгли Гераем крепости в устье Днепра. В письме к русскому правителю Ивану III, написанному в июне 1492 года, Менгли Герай сообщает о том, что начал строительство крепости [\[19, с.152\]](#). В ответном посольстве в августе того же года к ханскому двору, московский правитель пишет «...что тот город далече от Литовские земли, близко дей устья Днепрьского...и ты бы однолично то дело по оставил, а сам бы еси на конь всел и ратью пошел на Литовскую землю...» [\[19, с. 158\]](#). Из польско-крымской переписки мы видим, протесты литовского князя Александра на незаконное, по его мнению, строительство крепости на правобережье Днепра. В свое письме датированном 1496 годом Александр пишет: "... A takoż I o tom tobie napominaem, szto ty iesi poczal horod robiti na naszoy storonie Dniepra bez naszjie woli... tut horodow waszych na noszoy storonie ne buwalo». Для литовцев оставление этой крепости крымскими татарами и соответственно возвращение на левый берег являлось одним из пунктов для наступления мира. Данные нарративных источников, наряду с данными из литовской метрики, где приведены слова князя Александра (poczal horod robiti na naszoy storonie Dniepra) и наличие крепостей на берегах Днепра фиксируют границу по реке [\[23, с.232-233\]](#).

Также ханству в западном Причерноморье принадлежала еще одна крепость на Днестре - Тягинка, контролировавшая переправы через Днестр. Согласно источникам, эта крепость, еще в первой половине XV века являлась владением Ширинских беев. Крепость во второй половине XV века была взята силами молдавского княжества, однако к концу XV века, уже вернулась под контроль Крымского ханства в результате заключения мирного договора [\[24, с. 12-15\]](#).

В XVI веке политическая карта Крымского ханства получает более четкие и широкие контуры ввиду прекращения существования Большой Орды. Добавляет очертаний появление большего количества письменных источников и прибавление к ним картографических материалов. Отдельно следует отметить, что формируется пограничная система других государств. Как на русской, так и на польско-литовской периферии установление границ происходило от практического уровня освоения территорий и создание на колонизируемых землях укреплений, которые и закрепляли земли [\[25, р. 249-250\]](#).

Данные польского хрониста Матвея Меховского, в «Трактате о двух Сарматиях» (1517 г.) представляют владения хана, городами Солхат и Кырк-Йер на полуострове, и обширные равнины от «Меотидских болот и Понтийского моря вплоть до Белого города». Согласно географическим ориентирам, читатели трактата могли очертить границы ханства от Азовского моря на запад до реки Днестр [\[26, с.90-91\]](#). Упоминание крымских границ можно встретить у австрийского посла Сигизмунда Герберштейна в его описании стран, соседствующих с Московским государством. В своих заметках автор упоминает о двух крепостях на Днепре, одну из которых отнял «царь Тавриды» у литовцев. Очевидно, речь идет о Очакове [\[27, с. 457\]](#). В другом месте у автора встречается сообщение что всего ханом построено две крепости, и тут скорее всего речь идет о крепости Ислам Кермен, расположенный на левом берегу Днепра (совр. Каховка, Херсонская область). На основе данных дипломата была составлена карта России, неоднократно переиздаваемая на латинском и немецком языках. Графическое изображение из издания 1546 года считается одним из ранних, и содержит вид на полуостров поданный двумя названиями «Tavrica Chersonesus» (старое название на картах) и «Tartaria Precopiense».

В районе побережья Черного моря нанесены города Мансур и Caffa, которые отделены от Перекопа пунктирной линией, что показывает нам разграничение турецких и крымскотатарских территорий. Подобная линия встречается в левой нижней части карты отделяя земли Подолья от Очакова упираясь в Днепр и далее линия тянется на северо-восток, южнее реки Сейм, перерезает реку Сосну и уходит далее за Дон. Пунктирная линия проходит по пустому полю, а ближайшие русские пограничные укрепления Стародуб и Путивль, располагаются за рекой Сейм. На правом берегу Днепра автор расположил упомянутый в тексте Очаков [\[28\]](#). Говоря о возможном хронологическом разрыве информации карты со временем ее создания, следует отметить, что он не составляет более 30 лет, так как Смоленск уже включен в рамки русского государства что произошло не ранее 1514 года.

Пролить свет на процесс территориальное освоение Днепро-Донского междуречья позволяют грамоты, отправленные Крымским ханом в 1515 году ко двору Великого князя Московского. В письмах можно увидеть подписи, где эти грамоты были составлены. Наряду с упоминанием локаций «Ферах-кермен» и «Девлет-Сарай» встречается река Молочные воды где очевидно располагалась ставка хана. В письмах можно встретить и упоминание реки Миус (Милюш) в том же контексте [\[29, с. 151, 163, 176, 1\]](#). Молочные воды, также упоминаются как место сбора войска в донесении из Азова к великому князю Василию Ивановичу, где его предупреждают о том, что Мухаммед Герай готов выдвинуться в поход на Москву, однако столкнулся с бунтом со стороны Аккерманских и Добруджских татар и теперь стоит со всеми своими силами на Молочной воде [\[29, с. 678\]](#). Расположение войск в означенных районах рек, равно как и отправление донесений и посольств оттуда, могут свидетельствовать, если не о крайних рубежах владений, так о местах свободного безопасного расположения кочевий и ставки хана. На противоположной стороне русское правительство формировало оборонительный пояс и организовывало сторожевую службу для на наблюдения за степняками и предупреждения их нападения. Среди пограничных крепостей упоминаются крепости Алытырь, Темников, Мценск, Орел, Новгород Северский, Рыльск и Путивль. Среди окраинных крепостей соприкасавшимися с татарскими набегами упоминаются Тула и Рязань. Русские сторожевые отряды с целью недопущения набегов располагались вдоль рек: Дона, Волги и Северского Донца. Для наблюдения за крымскими улусами русские сторожа располагались по Дону и Северскому Донцу и разъезжали дальше в степь. Пути пролегали по водоразделам: от верховий Суры до реки Сейм, далее к Ворскле и Северскому Донцу. Другой маршрут пролегал от Ряс до Быстрой Сосны; от притоков Ворсклы и Донца до устья реки Айдар [\[30, с. 3-6\]](#).

Границу с литовским государством можно выделить по докладной записке, увидевшей свет практически синхронно с сочинением С. Герберштейна. В докладной записке польскому королю о границах ВКЛ с Крымскою ордой и Волошской землей, датируемой 1540 годом упоминаются географические точки по которым можно провести границу. Исходя из текста для определения границ, литовцами были опрошены люди «киянне, черкашане, каневцы», которые видели (знают) по каким землям проходила граница. По ту сторону границы упоминается земля Татарская, Перекопская, Очаков, Белый город (Аккерман) и с землею Волошской (Валахия). Граница ВКЛ начинается от реки Марахвы - приток Днестра, и на низ Днестром, по половине Днестра, мимо Тягина, где Днестр «упал» в море; от устья Днестровского лимана граница прошла мимо Очакова до устья Днепра; от устья Днепра до Таванского перевоза, а на противоположной стороне Таванского перевоза граница с Перекопским царем по Овечью воду, а от верховий Овечей воды в верховья реки Самара и «Орлея» (р. Орель) аж до Донца до Тихой

сосны. Также в тексте вновь отмечается, что Очаков расположен на Литовской земле. Но это вполне объясним, так как люди опрошены обращаются к прошлому и их цель эти границы восстановить [31, с. 361-362]. Позже в материалах Литовской метрики, в 1560 году встречаем письмо польского короля Сигизмунда к Киевскому воеводе князю Константину Острожскому. В письме упоминается о запрете казакам «на поле ходить и не позволять подстерегать татар... абы подданым цессаря Турецкого и улусам царя Перекопского шкоды чинить не имели». Послание адресовано старостам «украинных замков» среди которых значатся: Киев, Белая церковь, Браславль, Винница, Черкассы и Канев [32, с. 153].

Отдельно следует рассмотреть вопрос расширения на восток в первой половине XVI века. Правление Мухаммеда Герая. И было ознаменовано продвижением власти на восток. Ключевыми точками для крымских монархов являлись Казанское и Астраханское ханства, где соприкасались интересы Крыма и Ногайской Орды. В результате военного давления со стороны казахов, на короткий срок, Мухаммеду Гераю удалось подчинить большую часть кочевий ногайской орды. М.В. Моисеев ссылаясь на данные письменных источников пишет, что Мухаммед Герай отправил своего посла к ногаям с предложением переправится на правый берег Волги и тем самым спастись от казахского нашествия. В результате этого в 1519 году часть ногайской знати со своими племенами эмигрировала в Крым [20, с.173]. Учитывая вышесказанное, можно предположить, что за исключением Астрахани, правители которой противодействовали ногайской переправе на другой берег, фактический контроль ненадолго над правым берегом Волги перешел в руки династии Гераев.

В период правления Мухамед Герая был реализован успешный поход на Астрахань. Водши в город, Мухамед Герай, фактически ставит точку в вопросе господства на всей территории Золотой Орды и декларативная часть с перечислением подвластных земель, которая упоминалась выше по тексту, приближается к объективной реальности. На землях от Днестра на западе до Волги на востоке правление было сосредоточено в руках династии Гераев. Историки, ссылаясь на архивные документы относят данное событие к 1522 или 1523 году [33, с. 90]. Однако сразу же после покорения Казани Мухамед Герай вместе со своим калгой Бахадыр Гераем и войскам были убиты в результате ногайского (мангытского) заговора. Обезглавленное Крымское ханство столкнулось с беспрецедентной угрозой уже собственным владениям на крымском полуострове. Следует отметить, покорение Астрахани, даже после смерти правящего монарха и его наследника, являлось одной из прерогатив в среде крымской элиты. Согласно рассказу Абдулгаффара Кырыми, после Мухаммеда на престол хотели возвести его брата Гази Герая, который был еще младенцем, но подумали, что он не сможет завоевать «Татарстан», после чего власть была отдана Саадет Гераю. Абдулгаффар Кырыми дальше сообщает что еще раз войти в Астрахань удалось Сахибу Гераю [34, с. 89, 96-97]. Несмотря на то, что сведения в Умдет ал-ахбар содержит ряд неточностей, для нашей темы это повествование хорошо демонстрирует отношение крымских татар к овладению господством в Поволжье. Однако уже с начала середины XVI века степные пространства среднего и нижнего Поволжья, Казань (1552 г.) и Астрахань (1556 г.) были взяты Иваном IV Грозным и правление гераевской династии на этих землях утрачивается навсегда [35, с. 784].

Сюжет восточной политики Гераев, представлен на карте составленной А. Дженкинсоном – первым полномочным послом Англии в России с 1557 по 1571 годы и по совместительству представителем Московской торгово-промышленной компании.

Дженкисон по долгу службы активно ездил через Россию в Персию. Результатом этих поездок явилось создание карты в 1562 году, которую использовал Абрахам Ортелий в атласе *Theatrum Orbis Terrarum* (Зрелище шара земного) 1570 года [36, с. 98]. Следует отметить, что указанная карта является довольно противоречивым источником информации. Первоисточник для работы Джэнкинсона согласно анализу Б.А. Рыбакова был издан в хронологических рамках 1494-1500 гг. [37, с.31]. От чего карта содержит ряд фактических неточностей. Например, это видно если взять тот же пример что и в вышеупомянутой работе С. Герберштейна. В этом атласе Смоленск все еще расположен в границах Литовского государства [38, с. 10]. Что касается исследуемого региона, карте помещена надпись «Crimea» которая отделена пунктирной линией которая простирается степей рязанских земель на севере и упирается в Волгу на востоке. луком и стрелами, скачущего на восток. Западная граница проходит восточнее Днепра, что видимо опять же объясняется устаревшим первоисточником. Также по представлению автора в границы Крыма входят и мордовские земли на северо-востоке и восточные кубанские территории вплоть до переволоки, что расположена на правом берегу Волги. Исходя из упомянутых выше источников, можно предположить, что на карте может быть отражена ситуация первой половины XVI века, ведь пользовался другими устаревшими источниками. Из крепостей, карта упоминает только Азов, расположенный на месте впадения Дона в Азовское море [39]. В целом отмеченные на карте пограничные контуры, как и сделанный акцент на сюжете «всадника, ориентированного на восток» может отражать реалии и стремления гегемонии Крымского ханства над всей постордынской степью.

В целом, для понимания территориальных границ государства следует исходить из того, что Крымское ханство представляло собой государства с двумя типами хозяйствования (кочевого и оседлого). Крымский полуостров как центр, представлен оседлым земледельческим населением с развитой городской культурой, в то время как периферия, представленная степной зоной Причерноморья и Приазовья, была населена преимущественно кочевниками. Эти два компонента в теоретическом и практическом плане диктовали своеобразное отношение к границам. Как подмечено исследователями для кочевников граница это зона взаимодействия с окружающим миром [11], в отличии от оседлых, где понятие граница может быть тождественно со словом барьер [40, с. 21]. Степнякам важен внеэкономический обмен и получение продуктов земледелия, что могло происходить посредством обмена, торговли или грабежа. Ко всему прочему ограниченная ресурсная база, обусловленная природно-географическими условиями, вынуждалаnomадов не признавать никакие границы, что осложняло процесс демаркации и делимитации границ. В период становления и военных успехов границы ханства расширялись. По достижению паритета с соседними государствами рубежи оставались стабильными, а военные поражения, влекшие за собой строительство новых вражеских крепостей или подписание невыгодных договоров, вели к их сужению.

Библиография

1. Гулевич В.П. Приход к власти Хаджи Герая и формирование крымскотатарской государственности // История крымских татар в 5-ти томах. Т. 3. Казань, 2021. С. 142-150.
2. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Симферополь: Тавр. Губ. Тип., 1897. 203 с.
3. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. СПб.: Типография II

- отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 979 с.
4. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году. Одесса: В гор. тип., 1850. 284 с.
5. Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М.: ООО "Русское слово" – учебник, 2022. 528 с.
6. Грибовский В.В. Владения Крымского ханства от Кубани до Буджака в XVIII веке // История крымских татар в 5-ти томах. Т. 3. Казань, 2021. С. [укажите страницы].
7. Крикун М. Воєводства Правобережної України у XVI–XVIII століттях: Статті і матеріали. Львів, 2012. 702 с.
8. Kurtaran U. "Determination of the Ottoman-Polish Borders According to The Treaty of Karlowitz" // Osmanlı Mirası Araştırmaları Dergisi. 2022. 9/23. S. 221-230.
9. Константинопольский мирный договор России с Турцией // Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Ижевск, 2018. С. 32-33.
10. Конвенция о разграничении в крымской степи от рек Днепр и Конские воды до реки Берды и далее к реке Миусу // Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Ижевск, 2018. С. 46-47.
11. Карасубазарский мирный договор // Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Ижевск, 2018. С. 96-99.
12. Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итalo-русских связей XV в. / Пер. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 274 с.
13. Курад А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Пер. с турецкого Р.Р. Галеева; ред. текстов на арабице М.Р. Исмагилова; отв. ред. Л.И. Шахин, И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 256 с.
14. Волков И.В. О локализации итальянской фактории Копы на месте средневекового Темрюка (Копарио – Ло Коппа). Ч. 2 // Журнал института наследия. 2016. № 1. EDN: VQZXKJ.
15. Вашари И. Крымское ханство и Большая Орда (1440–1500-е годы). Борьба за первенство // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013. С. 11-19. EDN: TEDYCH.
16. Документы Крымского ханства из собрания Хусаина Феизханова / Сост. и транслит. Р.Р. Абдужемилев; науч. ред. И. Миргалеев. Симферополь, 2017. 816 с.
17. Инальчик Х. Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей / Пер. с турецкого Сейтхалилова Л.С. // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 86-107. DOI: 10.22378/kio.2019.2.86-107. EDN: BRVPRF.
18. Кадыров Р.Р. Улуг Урда ве Дешт-и кипчак: сакральное и материальное в границах и владениях крымских ханов // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное: Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. [Б.м.], 2017. С. 121-128.
19. Сборник Российского исторического общества. Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т. 1: С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. СПб.: Типография Ф. Елеонского и Ко., 1884. 634 с.
20. Моисеев М.В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480–1522 гг.)

- // История военного дела: исследования и источники. 2015. Спец. вып. V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 152-186.
21. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th-18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. Lieden; London: Brill, 2011. 1135 p.
22. Пилипчук Я.В. Татарская политика Казимира IV, 1480–1492 // Золотоординская цивилизация. Вып. 8. Казань, 2015. С. 312-325. EDN: VCEZKH.
23. Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515). Kraków: G. Gebethner i spółka. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1881. 449 с.
24. Середа А. Османская экспансия в Северном Причерноморье в XV-XVII вв. // Bulgarian Historical Review / Revue Bulgare d'Histoire. 2009. [№?]. С. 3-23.
25. Čelkis T. Lietuvos didžiosios medijos, kunigaikštystės teritorija: sienų samprata ir delimitacinių procesų XIV-XVI amžiuje. Moksline monografija. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2014. 340 p.
26. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1936. 286 с.
27. Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. И. Анонимов. СПб., 1866. 258 с.
28. Карта России Герберштейна гравированная Гиршфогелем в 1546 году // Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. Карты всей России и её южных областей до половины XVII века / Издание киевской комиссии для разбора древних актов. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1899. № XI.
29. Сборник Российского исторического общества. Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т. 95: С 1508 по 1521 год. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. 803 с.
30. Разрядная книга 1475–1598 / Под ред. В.И. Буганова. М.: Наука, 1966. 617 с.
31. Акты, относящиеся к истории Западной Руси. Т. 2: 1506–1544. СПб., 1848. 444 с.
32. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 2: 1599–1637. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1865. С. 153.
33. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2004. С. 90. EDN: Q0VTDB.
34. Абдулгаффар Кырыми. Умдат ал-ахбар. Книга 2: Перевод / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общ. и науч. ред., предисл. и comment. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
35. Аксанов А. Вилаяте Казан (Казанское ханство) // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 777-786.
36. Фоменко И.К. – Текст: непосредственный // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 11. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 93-113.
37. Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV–XVI века. М.: Наука, 1974. С. 31.
38. Горшенина С.М. Энтони Дженкинсон и произведенная им ревизия картографических схем Центральной Азии в XVI веке // *QazaqHistoricalReview*. 2023. № 1 (1). С. 22-55.
39. Карта Московии Антония Дженкинсона, составленная им в 1562 году и опубликованная Абрахамом Ортелием в *Theatrum Orbis Terrarum* в 1570 году. *Russiae, Moscoviae et Tartariae Descriptio*. URL: <https://grafika.ru/item/20-000031-r=56548> (дата обращения: 15.04.2024).
40. Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука. Вост. лит., 2019. 503 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой исследование, посвященное сложному и недостаточно изученному вопросу территориального становления и эволюции границ Крымского ханства в период его формирования и наивысшего могущества. Работа основана на широком круге источников и литературы, демонстрирует стремление автора к системному анализу проблемы.

Предметом исследования является процесс формирования и изменения политических границ Крымского ханства с середины XV до середины XVI века. Автор фокусируется не столько на описании статичных рубежей, сколько на динамике их становления под влиянием военно-политических, дипломатических и социально-экономических факторов. Особое внимание уделяется соотношению декларативных претензий ханов (отраженных в титулатуре и дипломатической переписке) и реального контроля над территориями в степном Причерноморье и Приазовье.

Методологическая основа статьи комбинированная. Автор использует историко-генетический метод для реконструкции последовательности изменений границ, историко-сравнительный — для анализа противостояния с Большой Ордой, Литвой и Московским государством. Применяется критический анализ разнообразных источников: дипломатических документов (ярлыки, посольские книги, договоры), нарративных (записки путешественников, хроники), а также картографических материалов. Такой подход позволяет создать многомерную картину. Однако можно отметить, что теоретическая рамка, связанная с концепцией «кочевых границ» как зон взаимодействия, заявленная в заключении, могла бы быть более явно интегрирована в анализ конкретных сюжетов.

Актуальность работы не вызывает сомнений. Изучение истории Крымского ханства, его места в системе международных отношений Восточной Европы, является важной задачей современной историографии. Вопрос о границах, особенно в ранний период, остается дискуссионным ввиду скудности и противоречивости источников. Работа вносит вклад в понимание политической организации пространства Северного Причерноморья, механизмов взаимодействия оседлых и кочевых обществ, природы власти в постордынских государствах.

Научная новизна заключается в комплексной попытке проследить эволюцию границ ханства на протяжении более чем столетнего периода, совмещая данные письменных и картографических источников. Автор удачно акцентирует переходный момент — ликвидацию Большой Орды в начале XVI века как ключевой фактор расширения реального контроля Гиреев над степью. Новизной обладает также привлечение и анализ широко известных карт А. Дженкинсона и С. Герберштейна для реконструкции не только географических, но и политических представлений современников о пределах ханства.

Стиль статьи академичен. Структура в целом логична: от общих вопросов территориального устройства к конкретным этапам демаркации на западе и востоке. Однако можно отметить некоторую фрагментарность: переход между анализом разных периодов и регионов иногда резок, не всегда прослеживаются четкие связи. Введение четко ставит проблему, но заключение могло бы быть более аналитическим и обобщающим, сводящим воедино наблюдения из разных разделов.

Список источников и литературы обширен (40 позиций) и включает как классические труды и публикации источников, так и современные исследования российских и зарубежных авторов, что свидетельствует о хорошей осведомленности автора в теме. Присутствуют как фундаментальные издания документов, так и новейшие научные

монографии и статьи. Ссылочный аппарат подробен и в целом корректен. Небольшим упущением можно считать отсутствие в списке некоторых современных западных исследований по истории Крымского ханства на английском языке, что, впрочем, не умаляет ценности использованной источниковой базы.

Автор косвенно полемизирует с упрощенными представлениями о границах ханства как о четких и постоянных. Работа апеллирует к научному сообществу, признающему сложный, динамичный и «размытый» характер границ в степной зоне, и вносит конкретику в эту общепринятую модель. Вывод о двойственности границ (барьер для оседлых / зона взаимодействия для кочевников) также является вкладом в теоретическое осмысление проблемы.

Умелое сочетание данных дипломатической документации, нарративных источников и исторической картографии для решения сложной задачи реконструкции границ. Автор последовательно разводит декларативные притязания крымских ханов (отраженные в титулах) и реальную политico-военную ситуацию в степи, что позволяет избежать мифологизации могущества ханства. Формирование границ показано не изолированно, а в контексте борьбы с Большой Ордой, отношений с Литвой, Москвой, Османской империей и Ногайской Ордой, что дает целостную картину региональной геополитики.

Заявленная в заключении важная мысль о разном понимании границ кочевым и оседлым населением остается неразвернутой в основной части анализа. Можно было бы связать конкретные эпизоды (кочевки, набеги, строительство крепостей) с этой теоретической рамкой более явно. Обилие географических названий, имен и цитат из документов, при всей своей ценности, иногда затрудняет восприятие основной линии повествования. Текст требовал бы более четких обобщающих выводов в конце каждого смыслового блока. Несмотря на заявленные хронологические рамки (сер. XV – сер. XVI вв.), значительное внимание уделено договорам конца XVII – XVIII вв. (Бахчисарайский, Карловицкий, Белградский). Хотя это оправдано для иллюстрации конечного этапа демаркации, подобные экскурсы отвлекают от анализа ключевого для темы периода и нарушают хронологическую целостность.

Ключевой вывод статьи о том, что границы Крымского ханства были динамичными, зависели от военно-дипломатического баланса и представляли собой для степной периферии скорее зону взаимодействия, чем жесткий барьер, представляется убедительным. Автор на конкретном материале доказывает, что политическая карта «Малой Татарии» формировалась в постоянном противостоянии и переговорах с соседями, а ее «контуры» были расплывчаты вплоть до Нового времени. Вывод ценно дополняет существующие представления о природе государственности в постзолотоордынском пространстве.

Статья представляет значительный интерес для специалистов по истории Крымского ханства, Золотой Орды, Восточной Европы периода позднего средневековья и раннего Нового времени. Будет полезна историкам, занимающимся проблемами исторической географии, истории политики, истории кочевых обществ. Благодаря подробному разбору источников и ссылкам на архивные материалы, статья может служить хорошим справочно-аналитическим материалом для исследователей.

Представленная статья «Контуры Малой Татарии: к вопросу формирования политической карты Крымского ханства в XV – сер. XVI века» заслуживает публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования». Она соответствует научному уровню издания, вносит конкретный вклад в разработку актуальной темы и опирается на солидную источниковую базу. Работа обладает признаками научной новизны и будет способствовать дальнейшей дискуссии в профессиональной среде.

